

СУДЬБА

ШРАМ НА ЗАПЯСТЬЕ

Рубец от шва, что наложен был Постникову на перебитую руку в лазарете концлагеря Бухенвальд шестьдесят лет назад, и по сей день виден. Знакомства ради Константин Иванович даже разрешил место старой раны потрогать, и мы от такого оригинального способа приступить к разговору, ясное дело, не отказались.

Кисть перебило ему гранаты осколком в день знаменитого восстания в Бухенвальде 11 апреля 1945 года. Зашивали руку уже свои, но неизвестно, почему рана все равно оказалась из незаживающих. Может разбудить среди ночи, начинает беспричинно ныть. Может быть, как предполагает сам Постников, неспроста: то вся разом напоминает о себе судьба-злодейка. О Бухенвальде и проверке в фильтрационном пункте где-то на границе, когда про справку из лагерной канцелярии сказали, как отрубили: «Не годится»; о спецлагере НКВД в Медвежьегорске на Беломорканале – там бывших военнопленных откровенно держали за предателей, и о том, как на гражданке с большим скрипом вырли к нормальной жизни.

Ярославец Константин Постников и в свои восемьдесят семь, на удивление сверстникам, досконально помнит все, что в этой быстротекущей жизни выпало на его долю. Чтобы рассказ получился понаглядней, Константин Иванович выложил на стол привезенную недавно из Германии фирменную папку музея «Мемориальный комплекс Бухенвальд» с новенькой картой – путеводителем по музею.

Но перед тем, как отправиться нам в путешествие по окрестностям прекрасного Веймара, города Гете и Шиллера, неожиданно крутанул «машину времени» на пару оборотов вперед: хотите, дескать, узнать, как я после войны квартиру получал?

КВАРТИРУ ОН ПОЛУЧАЛ ТАК

На фронт Константин ушел не мальчиком, но мужем, двадцатитрехлетним женатиком, из токарей – золотые руки. После возвращения первым делом явился в лагерной справкой в «серый дом» для получения паспорта. Целый месяц на допросы ходил как на службу. Все, как есть, описал – и как летом сорок

Фото Анны ЛУКИНОЙ

первого в Латвии, выходя из окружения, в плен к немцам попал, и про все подробности горемычного жизненного маршрута Бухенвальд – Медвежьегорск.

На моторный приняли его без особых хлопот, как своего. Сразу доверили должность мастера участка, поставили в очередь на квартиру. Поначалу был доволен

и тем, что имел, – комнатой в коммуналке. Но появился на свет Постников-младший, и вопрос о жилье ребром встал. Очередь в свой час подошла, о чем как-то с утра пораньше прямо на рабочем месте оповестил мастера цеховое начальство.

– Есть тут один уважаемый товарищ, – рубанул напрямик

начальник цеха, семья-де у него большая, да еще с грудным ребятенком, жена в непогоду с худых потолков дождь в ладони ловит – уловил намек, мастер? Уступим квартиру ему, а ты на следующий год получишь.

Чем сам-то он хуже, не понял юмора мастер. Он тоже «ува-

жаемый товарищ», и потолки дома у него тоже худые. При всех заиграл желваками, уперся, как улан под Бородином.

Начальник кивнул – а ну пошли в кабинет разбираться в узком кругу. В коридоре парторг цеха на ходу успел упряму шепнуть на ухо: подумай, Константин, как ведешь себя, забыл, что ли, где в войну находился.

Парторг знал то, о чем рабочий класс в лучшем случае мог только догадываться. Участь бывших военнопленных была определена еще в сороковом году, когда все, кто сдался белофиннам и потом вернулся, оказались без права переписки в спецлагере под Южей Ивановской области и позже бесследно исчезли.

Постников еще легко отделался. В Медвежьегорске из-за ранения не вкалывал, как большинство, на ремонте Беломорканала. Попал сперва в истопники, а затем из-за хорошего почерка в писарчуки УРО – учетно-распределительного отдела.

Тут тему квартирную Константин Иванович посчитал нужным дополнить небольшим лирическим отступлением.

От кабинетов следователей писаря УРО разделяли тесовые перегородки, и он на всю жизнь наслушался их матюгов на допросах вновь прибывших. «Кололи» без затей – тут, мол, нам рассказывали, как ты, сука, к немцам перебежал, давай об этом подробней. Новички на войне всякого навидались, и далеко не каждый соглашался терпеть оскорбления. Вскипали до рванья рубахи на груди, неистово матерились, кулаки сжимали воинственно, тщетно пытаясь доказывать, что ты не верблюд. За кулаки расплата была всегда одинакова: восемь – десять лет лесоповала.

– Был бы писателем, – прервавшись на полуслове, сказал Константин Иванович, – о тех допросах роман бы написал.

Отдельную квартиру от завода мастер Постников так никогда и не получил. Все больше находили в его работе «изъянов», без объяснений переводили с участка на участок, и надо было вставать в новую очередь. Менялся жильем с родичами, всяко комбинировал. Только через тридцать лет после войны занял собственную двухкомнатную хрущобу.

Там и внучка родилась. Когда она замуж вышла, дед квартиру отдал ей, а сам ушел, но это уже другая история.

(Окончание на 7-й стр.)

«Политический русский» номер 7690

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

ПОПАЛ В ПЛЕН – ЗНАЧИТ, ПРЕДАТЕЛЬ

В плен попал рядовой Постников, недоучившийся курсант школы младших командиров, в первые же недели войны. В очередной раз саперы выходили из окружения и на лесной дороге под Двинском наскочили на немецких мотоциклистов. Что такое плен, догадался в ту же самую минуту, когда оглушенный разрывом мины и засыпанный землей очнулся он от пинка в бок и услышал знакомую по школе фразу «Ауфштеен!» и еще одну: «Хэнде хох!», руки вверх.

Плен – это когда тебе дают пинка без права на ответ. По пути вглубь Германии они не раз ночевали в открытом поле, на голой земле. Проходили «санобработку» под шлангами с холодной водой. В шталагах их держали в огромных клетках из проволоки, с вонючей парашей в виде длинного рва.

Где-то в Восточной Пруссии у них отобрали скатки и ремни, босы погнало по деревням. Господа офицеры улыбались и картинно жестикулировали, демонстрируя свои боевые успехи. Тех пленных, кто падал от истощения и усталости, пристреливали и скидывали в кювет.

Бухенвальд встретил их вполне мирным лозунгом на воротах «Каждому свое» и рядом – длинным транспарантом, глубокий смысл текста которого дошел до Постникова не сразу: «Прав ты или не прав, но теперь это твоя родина».

– Здесь, – поясняет Константин Иванович, – ты должен был забыть, что человек, и лишь потом умереть.

Как там изо дня в день смиряли гордыню, ломали людей страхом, толстые тома написаны. У нашего рассказчика свой Бухенвальд, и он развертывает карту. Знакомимся по ней с местными достопримечательностями.

Был в лагере большой огород с картошкой-капустой. Не простей огородик – каторжный. Ухаживать за овощами полагалось только бегом. Слабосильных ждал расстрел на месте.

На каменоломне заготавливали белый известняк для нужд великого рейха. Тележку с грузом поднимали втятером по откосу на высоту четырехэтажного дома. Охрана могла заставить катать ее наверху по асфальту просто потехи ради. Офицеры СС повеселиться любили. Однажды на глазах у Постникова два надсмотрщика устроили такой аттракцион.

Подозвали – «Ком!» – еле стоявшего на ногах гефлинга, узника значит. Сорвали с него полосатый мюцен, шапку, и забросили подальше: «Принеси!» Со

значением постучали по циферблату часов и взяли беднягу на мучку.

Тот по-собачьи опрометью бросился вперед и принес так быстро, что выстрелил не успели. Забава продолжалась. В мюцен завернули камень. В изуверский хронометраж гефлинг не уложился и был застрелен на глазах невольных свидетелей фирменной экзекуции.

Каждый гефлинг имел номер – для начальства и кличку для своих. Каждый был на прицеле. Тряпичный красный треугольник Постникова с номером 7690 и немецкой буквой «R», русский, был такого размера, чтобы его отчетливо различали с ближайших пулеметных вышек. Старожилам лагеря, немецким антифашистам, кроме эмблемы по «чину» полагалась еще «флюхтунг», мишень в полспины.

Дымок над трубой крематория курился круглые сутки. Умирали от дистрофии, нахлебавшись броеквеного хлеба, да и под горячую руку охранника попасть было пара пустяков. Карали прямо на проверке за незастегнутую рубашку. Выволакивали из строя за шиворот, сбивали с ног и пристреливали, не забыв номер несчастного записать в блокнот.

Апельплатц, парадная площадь, на карте помечена деликатным значком в виде виселицы. Она на площади стояла не всегда. Ее привозили на очередную акцию устрашения, оповестив о ней лагерь через оглушительные динамики. За что назначали публичную кару, гефлинг номер 7690 рассуждать не берет. Помнит только, что когда из лагеря умудрились удрать два поляка и одного пуля настигла вдвогонку, второго привели на апельплатц – на расправу.

Всей этой долгоиграющей пытке конец пришел в апреле сорок пятого. Канцелярия Гимmlера как раз предписала коменданту Бухенвальда лагерь снести с лица земли. Чтобы не создавать паники, начался «организованный» вывод отрядов узников якобы на какие-то работы. Но гефлинги комендантуру опередили.

ОТВЕТ СКЕПТИКУ

После войны даже старые солдаты долго не верили, что Бухенвальд, где электрозабор стоял под током в тысячу вольт и где был пристрелен каждый камень, мог восстать. По западной прессе вообще выходило, что лагерь освободили американские танки.

Один такой Фома неверующий из Крыма в начале 90-х отважился написать Постникову письмо в суровых тонах, похожее на настоятельный запрос: мол, слабо, повстанец, развеять мои сомнения?

Константин Иванович ответ писал долго, с черновиками.

Один из них и предложил нам вместе полистать. Сперва, читаем, чуть голос не сорвал: «Вы спрашиваете, было ли восстание? Было, было! Могу крикнуть об этом на любом углу. Но чем могу я доказать это?» Тут же успокоил себя, сбавил тон. Писал по-простому, от себя.

Кроме каменоломни братва трудилась и на оружейном заво-

д. Плотников это представление видел, называлось оно «Дети Чапая». А когда, уже в хрущевскую оттепель, узнал, что сочинил ту пьесу землячок из Семибратова Константин Брендючков, сразу засобирился в гости. По-знакомились, подружились, вместе ездили на сборы узников Бухенвальда. Константин Иванович показал старую фотогра-

фото Анны ПУКИНОЙ.

де «Густлофф-верке», что выстроили в километре от лагеря. Поставили туда токарничать и гефлинга 7690. Как-то приносит старший, тоже из узников, чертеж незнакомой детали. «Выпечи», – велел безо всяких объяснений. Через стенку другую деталь обрабатывал фрезеровщик, тоже не зная, что к чему. Так задолго до 11 апреля готовилось восстание.

Все были разделены на тройки, причем каждый знал в лицо только одного из троих. Кто-то должен был готовую деталь сбросить в стружку, кто-то вынести с завода – то ли в пайке хлеба, то ли выдолбив тайник в каблучке или заделав деталь в шов куртки. Кто-то вывозил ее с песком и щербнем, детали хранил, собирал гранату или карабин, снаряжал бутылки с зажигательной смесью – в лагерьной химлаборатории умельцы-подпольщики получали нитроклетчатку.

Разжились оружием в горящих казармах и складах после августовской бомбежки американцев. Через заводской тир для стрельки оружия добывали стреляные гильзы – самодельные патроны делали. Собирали целый арсенал, даже ручной пулемет у них был.

Конспирацией ведали многоопытные немецкие антифашисты. Руководство восстанием было интернациональное, из русских Постников по памяти назвал Валентина Лагунова и Василия Азарова. За русскими была и моральная подготовка восстания. Ухитрились подбодрить гефлингов спектаклем, сыгранным в бараке на сцене из сдвинутых столов и скамеек.

фию: мол, узнаете, крайний слева – Брендючков.

Сигналом выходить был для их барака взрыв гранаты у абраума – главных ворот лагеря. Снайперы из сибирских охотников свалили стрелков у спаренных пулеметов на ближайших к воротам вышках. Сбив с толку охрану, поддали жару – включили систему оповещения о танковой атаке. Американские танки действительно подошли, но только к вечеру, когда повстанческий комитет уже успел сменить на своих охрану во всем лагере.

Проволоку таранили с ходу, набрасывая на нее одеяла и матрацы. Огромная толпа прорвала ее сразу, как подсчитали потом, в шести местах. Это были не беглецы, а мстители. В окрестном буковом лесу они шли на захват эсэсовских казарм и узла связи. Был среди прорвавшихся и узник номер 7690 с зажигательной бутылкой в руке. Немцы у казарм забросали их гранатами. Осколок одной из них и оставил Константину Постникову ту странную отметину, что и сегодня не хочет пощадить его душу.

КРАСИВЫЕ ОБЕЩАНИЯ

Было дело, получил Постников поздравление с днем восстания от Саши Дубовика из Черкасс. В лагере за одним столом баланду хлебали. Компанейский старожил лагеря Костя неплохо справлялся с выборной должностью «черпака».

Прислал Дубовик красивую открытку с видами музея под Веймаром, пожелал дорогому

другу «успехов в этой, пока легкой жизни». Закончил поздравление такими словами: «Дай Бог, чтобы мы могли еще увидеть то лучшее, что нам так красиво обещают».

Постников с Александром согласен – красивыми обещаниями мы в любые времена богаты. Путевка в санаторий Постникову светит только декабрьская. Терпеливо ждет. Раньше грибником был заядлым, а теперь его любимый отдых, как шутит супруга Лидия Николаевна, санаторий. Претензий к властям насчет льготных доплат к пенсии у Константина Ивановича не имеется. Восьми с половиной тысяч в месяц на жизнь вроде хватает.

Не за себя душа болит у бухенвальдского повстанца – за узников забытых. Как-то в «Северном крае» (Постников – наш давнишний подписчик) попалась ему на глаза информация о социальном патронаже жертв национал-социализма. Он так и ахнул, прочтя, что из пятисот бывших узников концлагерей у нас в области каждый десятый нуждается в материальной помощи, а человек тридцать вообще получают пенсию ниже прожиточного минимума.

А есть и совсем забытые. Несовершеннолетним узникам доплаты к пенсиям установили по закону еще при Ельцине. Совершеннолетние, то есть призывного возраста, оставались в опале аж до нынешней весны. Президентский указ о доплатах им вступил в силу 1 мая, но у многих из них трудности, так хорошо знакомые Постникову, – с подтверждением своего права на доплаты и компенсации из федерального фонда взаимопомощения и примирения.

Что при Хрущеве, что при Брежневеве таких справок от греха подальше старались не запрашивать. Амнистию «пересажанные» получили только в 1956 году. И «простили», а палки в колеса все равно вставляли по любому поводу. Так что и при демократии Постников предпочитает иметь дело с германской правозащитой, у тех порядка больше.

Показывает бумагу, полученную недавно из Германии в ответ на запрос, с данными из архива мемориального комплекса Бухенвальд. «Согласно нашим сведениям, – сообщает на русском языке Сабина Стайн, архивариус из международной поисковой службы Красного Креста, – господин Постников с 30.X.1942 по 11.IV.1945 года, являясь узником фашистского концлагеря Бухенвальд, зарегистрирован под номером 7690 как «политический русский».

Константин Иванович перечитал вслух последнюю строку. Лично он против таких слов – «политический русский» – ничего не имеет.

Юлиан НАДЕЖДИН.